

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10322

Функционально-семантическая значимость молчания в волшебной сказке

Ивона Жепниковска

Университет Николая Коперника

(г. Торунь, Польша)

e-mail: iwo@umk.pl

Аннотация. В статье рассматривается мотив молчания, т. е. намеренного воздержания от речи, как метонимическая манифестация символической смерти героя волшебной сказки. Цель анализа — выявить репрезентативные значения молчания и указать на его предполагаемые мифо-ритуальные параллели. Предметом исследования стали преимущественно польские и восточнославянские повествования о сестре, неговорение которой служит условием возвращения человеческого облика заколдованным братьям (ATU 451 “The Maiden Who Seeks Her Brothers”). Они — яркий пример актуализации изначально содержащегося в молчании как таковом компонента тайны, необходимости что-то скрывать. Если птичья (животная) ипостась юношей — результат родительского проклятия, то немому девушке можно считать формой поддержания связи с умерщвленными словом братьями, принадлежащими уже иному миру. В результате молчание является еще чем-то вроде зеркального отражения речевого поведения родителей, нарушающих основы народной этики слова. Для некоторых нарративов типа 451 оказались актуальными магические функции молчания, гарантирующего действительность предметов, изготовленных с соблюдением запрета говорить. В данном случае — это рубашки шитые / вязаные сестрой для спасения заколдованных братьев. Тем не менее в вариантах сюжета 451 молчание героини — это важнейшее условие перемены ее экзистенциального статуса, при этом многие записи отразили многоступенчатость женской инициации (девушка-невеста → замужняя женщина → положница → мать). Следовательно, в этом можно усматривать опосредованное отражение сказкой ограничений относительно вербального поведения женщины в традиционной культуре. С целью уловить сущность лиминального состояния героини была использована категория “stasis”. Ее применение позволило соотнести главный экзистенциальный опыт сказочного протагониста с временной обусловленностью человеческого существования, которое представляется как непрерывно следующие друг за другом моменты его регулярного течения и моменты неподвижности, статичности (stasis).

Ключевые слова: молчание, немота, волшебная сказка, братья, заколдованные в птиц, родительское проклятие, инициация, обряд перехода, символическая смерть, лиминальность, статичность, stasis

Для цитирования: Жепниковска И. Функционально-семантическая значимость молчания в волшебной сказке // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 7–29. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10322

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10322

Functional and Semantic Characteristics of Silence in the Fairy Tale

Iwona Rzepnikowska

*Nicolaus Copernicus University
(Torun, Poland)*

e-mail: iwo@umk.pl

Abstract. This article focuses on the silence of a fairy tale hero, i. e. a deliberate withholding from speaking that is a metonymic manifestation of a symbolic death. The aim of the study was to determine the meanings of silence that are representative of this type of narration and to indicate their probable mythical and ritual connotations. Research materials included mainly Polish and Eastern Slavic tales of a sister whose silence constitutes a precondition for bringing her brothers, previously turned into birds, back into human form. The analysis showed the use of a semantic component essential to silence required to keep a secret and impossibility of revealing the truth. If a spell can be a result of a parental curse, then suspending communication becomes a form of maintaining bonds with the brothers killed by words. It can also be interpreted as a reflection of the speech behaviour of the parents, who violate the basic folk ethics of the word. The analysed narratives preserved the magical functions of silence as the assurance of the effectiveness of objects made in complete silence (in the given example — shirts made for the spellbound brothers). Nevertheless, in other variants of plot type 451, the silence of the heroine is the most significant precondition for her own existential transformation, with numerous narratives describing the multi-stage nature of the rite of passage (a marriageable girl → a married woman → a newly delivered mother → a mother). In this indirect way the fairy tale reveals the limits of female communicative behaviour in folk culture. In order to present the essence of the liminality of the given story's heroine, the “stasis” category was used, which helped to correlate her (and any other fairy tale protagonist) basic existential experience with a temporal dimension of human existence construed as regular consecutive time passages and pauses, moments of inactivity (stasis).

Keywords: silence, muteness, fairy tale, brothers turned into birds, a mother's curse, a father's curse, initiation, rite of passage, symbolic death, liminality, stasis

For citation: Rzepnikowska I. Functional and Semantic Characteristics of Silence in the Fairy Tale. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 7–29. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10322 (In Russ.)

Со времен публикации работы В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (1946) вопрос инициации как обрядовой основы указанной в заглавии его книги жанровой разновидности фольклорной прозы в принципе не подлежит сомнению. При этом сам исследователь не ограничивался сугубо узким пониманием посвящения как обрядового включения юношей в социальную общность по достижении ими половой зрелости¹, указывая на прямое или опосредованное сохранение сказкой еще ряда рудиментов свадебного обряда [Пропп, 2000: 262–271], а также шаманской инициации [Пропп, 2000]. Кроме того, ряд соображений на счет актуализации в сказке элементов свадебного обряда содержится в работах Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 1998; 2005: 204–207]. В свою очередь, на возможность соотнесения путешествия сказочного героя в «тридцатое царство» со странствиями шамана, отправляющегося в иной мир вслед за душой умершего или больного, указал Ежи Василевски [Wasilewski, 1979: 213–230]². Все исследователи сходятся во мнении, что центральным структурным элементом любой инициации является акт символической смерти посвящаемого в его прежнем состоянии и возрождение к новой жизни в статусе полноправного и полноценного члена социума, что осуществлялось посредством ряда испытаний.

Вместе с тем далеко не все аспекты данной проблематики разработаны в достаточно удовлетворительной степени. К ним, в частности, относятся метонимические репрезентации символической смерти героя / героини волшебной сказки,

¹ По мнению исследователя, сказка «сохранила не только следы представлений о смерти, но и следы некогда широко распространенного обряда, тесно связанного с этими представлениями, а именно — обряда посвящения юношества при наступлении половой зрелости. Этот обряд настолько тесно связан с представлениями о смерти, что одно без другого не может быть рассмотрено» [Пропп, 2000: 37].

² Уточнив ряд наблюдений Арнольда ван Геннепа, Мирча Элиаде выделяет несколько типов обрядов посвящения: первый — в этнологической литературе их принято называть «ритуалами половой зрелости», «племенной инициацией», «инициацией возрастных групп» — включает коллективные ритуалы, осуществляющие переход от детства к юности. Второй — все виды обрядов посвящения в секретные общества, братства, союзы. И, наконец, третий, наиболее важный, связан с мистической профессией, для примитивных обществ — шамана или знахаря [Eliade, 1997: 16–17].

а также их мифо-ритуальные параллели. Среди них весьма значимое место занимают различные формы коммуникационной изоляции персонажей, в том числе молчание.

Это чрезвычайно многоаспектное явление (см.: [Богданов: 7–69]), в традиционной культуре оно понимается как форма ритуального поведения человека, заключающаяся в намеренном воздержании от речи [Агапкина: 292]. Следовательно, определяемое таким образом молчание предполагает объективно существующую способность к речевому общению, что отличает его от немоты, т. е. отсутствия или утраты такой способности. К неговорению близко состояние тишины, свойственное окружающему миру, например, во время переходных праздников календарного цикла. Как показали исследования, существует целый ряд семиотически близких молчанию явлений, соотносимых со смертью и сферой потустороннего, например, мрак, ночь, тайна, глухота, неподвижность, забвение, являющихся реализацией общей идеи отсутствия, исчезновения, исчерпания, вакуума [Арутюнова], [Трубачев: 101–103].

Исходя из вышесказанного, в настоящей статье мы попытаемся раскрыть актуализируемые волшебной сказкой значения молчания, определить его место в сюжетно-композиционной структуре данных нарративов, выявить функции, выполняемые в ходе действия, а также указать на его предполагаемые обрядовые и шире — мифологические параллели. Кроме этого, мы постараемся выявить связь молчания с осознанием временной обусловленности человеческого существования как важнейшего экзистенциального опыта сказочного героя.

Основным материалом для анализа послужили польские и восточнославянские варианты сюжетного типа ATU 451 “The Maiden Who Seeks Her Brothers” (Т 451 “Siedem kraków”, СУС 451 «Братья-вороны (лебеди, волки)»³). Они — довольно

³ Несколько вариантов, перечисленных в указателях сказок, не принадлежат к реализациям сюжетного типа 451 [Gawęłek: 70–71], [Ончуков: 486–487 (№ 218)], [Никифоров: 185–188 (№ 80)], [Карнаухова: 243–245 (№ 96)], [Русские народные сказки: 289–291 (№ 59)]. Подробнее об этом см.: [Добровольская, 2020: 124–126]. Очень плохо опознается вариант сказки 451, записанный от Самоделовой [Самоделова: 102]. В нем, правда,

редкий случай, когда молчание персонажа определяет ход событий в целом, а также детерминирует появление семантически близких ему атрибутов сферы смерти: тишины, тайны, мрака, неподвижности. Для уточнения некоторых выводов привлекаются сказки типа ATU 300 “The Dragon-Slayer” (Т 300 “Królowna i smok”), ATU 710 “Our Lady’s Child” (Т 710 “Wychowanka Matki Boskiej”), СУС 710 «Крестница Богоматери»), ATU 706 “Salvatica” (Т 706 “Salvatica”).

Соотношение молчания с пространственным перемещением героя

Молчание персонажа наблюдается, в сущности, в вариантах любого сказочного сюжета, на самых разных этапах развития действия, в том числе уже в его начале, т. е. в завязке. Это связано с отправкой или отсылкой героя / героини из дома, мотивированными какой-либо бедой, недостатком [Пропп, 1969: 38–39]. Как правило, воздержание сказочного странника от речи, высказываний обусловлено объективными обстоятельствами путешествия и одновременно как бы дублирует свойства преодолеваемого пространства, которое по ряду признаков соотносится с потусторонним миром. Само перемещение героя обычно детально не описывается, а он сам не испытывает дорожных неудобств, не нуждается в удовлетворении каких-либо потребностей (в пище, во сне и т. п.) [Лихачев: 336–340]⁴. Лишь достижение им некоего остановочного пункта и встреча с его обитателем порождает необходимость общения.

В качестве примера приведем повествования о сестре, отправившейся на поиски братьев, обращенных в птиц (или животных, например волков [Federowski: 86, 193]). Девушка идет лишь ночью (“*sidem lat i sidem dni*”, Т 451 [Kolberg, 1962 (1867): 123]), не натыкаясь ни на какие человеческие поселения, есть колдовство мачехи и желание сестры вернуть братьям исконный облик, но отсутствует весь комплекс мотивов, связанных с молчанием, плетением рубашек и т. д. [Добровольская, 2020: 130–131].

⁴ Отметим, что на композиционно-сюжетном уровне путешествие героя — своего рода перерыв во времени, пауза в развитии сюжета, что могла бы передать одна из сказочных речевых формул передвижения («долго ли, коротко ли, далеко ли, близко ли»).

добирается до разбойничьей хижины, где она получает указания относительно дальнейшего путешествия. Отсутствие каких-либо звуков, как и отсутствие речи, иногда прямо сопряжено с блужданием героини (например, по лесу), в мифологическом сознании осмысляемом как единственная возможность передвижения по иному миру, лишенному любых пространственных ориентиров [Криничная]: «Когда царевна очутилась в этих дремучих, непроходимых лесах, то она питалась разными ягодами и фруктовыми плодами и съестными кореньями» (СУС 451 [Сказки И. Ф. Ковалева: 155], [Kolberg, 1962 (1875): 40]; см.: Т 706 *Salvatica* [Polaczek: 230])⁵.

Молчание — залог освобождения от проклятия

Сущность воздержания от речи героини нарративов типа 451 меняется коренным образом с момента, когда оно становится основополагающим условием возвращения братьям человеческого облика, притом условием, принятым их сестрой вполне сознательно, без каких-либо сомнений. Как знак самопожертвования девушки, отказ от речи является еще единственной возможностью поддержать связь с умерщвленными словом братьями, принадлежащими с тех пор уже иному миру [Sulima: 83]⁶. В контексте поисков ответа на вопрос об актуализации сказкой разных аспектов молчания обратим внимание на записи, в которых птичье существование детей — результат родительского проклятия⁷. Как можно предполагать, последствия высказанного по неосторожности или злонамеренно негативного пожелания распространяются также на дочь, молчание которой становится чем-то вроде зеркального отражения речевого поведения родителей. Попутно добавим,

⁵ В похожих обстоятельствах воздержания от речи, обусловленного свойствами окружающей среды, оказалась девушка, не желавшая выйти замуж за своего отца. В наказание у нее отсекают руки, а ее саму зашивают в медвежью шкуру и отправляют в лес (Т 706 “*Salvatica*” [Polaczek: 230]).

⁶ О молчании как форме поддержания связи с потусторонним миром см.: [Sulima: 83].

⁷ Птичий облик юношей может быть еще результатом неосторожности сестры [Карнаухова: 310], [Сказки Куприянихи], [Русский фольклор в Литве: 167] или колдовства мачехи (колдуньи) [Сказки И. Ф. Ковалева: 28], [Фольклор Судогодского края: 22], [Самоделова: 102], что особенно характерно для русских реализаций данного сюжета [Добровольская, 2020: 127].

что родители, проклиная детей, нарушали строгое социально-культурное табу. Все же самым сильным и опасным проявлением действенной силы слова считалось материнское проклятие, что объяснялось передаваемым ею даром жизни [Engelking: 145–146].

Молчание и необходимость скрывать тайну

Девушка, жаждущая освободить юношей от проклятия, помещается на высокой горе, где, кроме соблюдения запрета касаться земли и запрета говорить, ей необходимо воздержаться от каких-либо движений, а также от принятия пищи и напитков [Kolberg, 1962 (1867): 123]⁸. Кроме того, местом обособления бывает гнилое дерево [Kolberg, 1982 (1881): 20], верх сосны [Federowski: 87, 194], стог сена [Kolberg, 1962 (1875): 40], лес [Kowerska: 601], [Карнаухова: 310], шалаш [Кретов: 47], остров [Сказки И. Ф. Ковалева: 157]. Героиня продолжает молчать даже тогда, когда ее в жены берет некий богатый человек, случайно оказавшийся на месте ее испытания, а затем, когда на свет появляются дети. Этот момент выглядит особенно драматичным, поскольку, желая соблюсти обещание спасти братьев, она терпеливо переносит клевету свекрови, обвиняющей ее в рождении не детей, а животных [Kolberg, 1962 (1875): 37, 41], [Kolberg, 1964 (1891): 91–92], [Kolberg, 1982 (1881): 21], [Kowerska: 601], [Siewiński: 82], [Ciszewski: 130] или в канибализме [Karłowicz, 1887: 232], [Karłowicz, 1888: 58–59]. Едва ли не поплатившись жизнью, молодая мать сначала изолируется (напр., ее замуровывают живьем [Kolberg, 1962 (1867): 126], потом попадает под топор палача, затем на виселицу, наконец, ее пытаются сжечь на костре как ведьму. Именно в этот момент заканчивается срок наказания юношей и вся история завершается счастливым финалом.

⁸ Гора как вариант иного мира — довольно распространенный сказочный мотив, широко использованный, например, в вариантах сюжетного типа СУС 301 А, В «Три подземных царства» [Лызлова: 37], кстати, не слишком верно отраженный в названии данного сюжета [Лызлова: 34]. Наша героиня иногда вынуждена подняться на гору самостоятельно, что оказывается возможным благодаря специальным приспособлениям (косточкам, перьям) (ср.: [Siewiński: 81], [Malinowski: 228]).

В нескольких вариантах, преимущественно в восточнославянских, еще одним условием отмены заклęcia братьев является необходимость приготовить им одежду, материалом для шитья / плетения которой служат растения, добываемые сестрой в каком-либо заповедном месте, например на кладбище. Это, в свою очередь, является поводом для обвинений немотствующей рукодельницы в колдовстве [Wajki Warmii i Mazur: 52], ср.: [Кретов: 47], [Сказки И. Ф. Ковалева: 157], [Сказки Куприянихи: 67]. Небезынтересно отметить, что в данном случае для сказки оказались актуальными магические функции молчания, соблюдение которого считалось залогом действенности изготовляемых предметов или выполняемых работ [Агапкина: 294].

Обратим внимание на пассивность девушки, безвольно и безмолвно поддающейся действиям жениха, а потом его матери, в первую очередь мотивированной незаконченным еще процессом возвращения братьям человеческого облика⁹. На всем протяжении действия она должна держать в тайне причину своего неговорения, что выявляет еще один аспект значения слова «молчание», а именно — ««умолчанное» молчанием» [Богданов: 67]. Как полагает К. Богданов, «всякое молчание есть молчание о чем-то, молчание кого-то, к кому-то» [Богданов: 55], т. е. оно изначально содержит компонент тайны, необходимости что-то скрывать, не выявлять¹⁰, чем усиливается значимость именно такого коммуникационного поведения героини сказок типа ATU 451.

Молчание — важнейшее условие перемены экзистенциального статуса сестры

Дальнейший ход событий показывает, что воздержание от речи, в сущности, является важнейшим условием перемены

⁹ Сторонниками *gender studies* и *queer studies* пассивность немотствующей героини сюжетного типа ATU 451 рассматривается в контексте создаваемых сказкой гендерных стереотипов [Jorgensen], [Williams].

¹⁰ Об употреблении глагола молчать в значении «сохранять, держать что-либо в тайне» см.: [Трубачев: 102].

экзистенциального статуса сестры заколдованных юношей, которые таким образом выполняют роль наставников в процессе ее инициации. За этот период девушка достигает очередных стадий жизненного цикла женщины: молодая девушка (невеста) → замужняя женщина → положница → мать¹¹.

Как и в случае родительского проклятия, на этот раз мы имеем дело с контрастным сопоставлением молчания героини с чрезмерной речевой экспрессией клеветчицы на нее свекрови. Любое ложное обвинение недопустимо уже на уровне народной этики слова, строго регламентирующей общение целым рядом запретов и предписаний. В данном случае оно является тем более тяжким, поскольку подвергаются сомнению прокреативные способности невестки, в традиционной культуре синонимичные продлению жизни как таковой в самом широком смысле слова¹². Вполне правдоподобно, что в данном случае произошло переосмысление сказкой ритуального обмана, на котором в частности основаны ритуалы защиты новорожденного ребенка от нечистой силы, болезней и других опасностей. Особо действенным считалась подмена младенца животным, что на вербальном уровне осуществлялось громким произнесением информации о рождении волчонка, дьяволенка и т. п. Кроме того, в колыбель первый раз старались класть какое-нибудь животное существо — кошку или курицу [Толстая: 110–111].

Не исключено также, что неблагоприятность сказочной свекрови к невестке — результат сказочной трансформации народных представлений о послеродовой «нечистоте» и, следовательно, вредоносном воздействии роженицы на окружающую среду, являющемся источником ее социальной изоляции. Считалось, что до восстановления физиологических

¹¹ В славянской традиции многоступенчатость женской инициации отразилась, например, на возрастной дифференциации рукодельных работ [Бернштам: 194]. В свою очередь, интересные материалы, подтверждающие морфологическую сложность данного явления у разных неславянских общностей, приводит Мирча Элиаде: «...например, у Яо инициация начинается с первым менструальным циклом, возобновляется и усугубляется во время первой беременности и завершается после рождения первого ребенка» [Eliade, 1999: 224].

¹² О соответствии женского плодородия и плодородия земли в традиционном сознании см.: [Шумов, Черных: 177].

функций организма, т. е. до появления первой послеродовой менструации, женщина является «пустой», «порожней» (pol. “pusta”, “próżna”), поэтому любые контакты с растительностью или хозяйственными животными могли привести к потере благополучия и удачи¹³. В результате, строжайшим ограничениям подлежали ее коммуникативные потребности¹⁴, но прежде всего она должна избегать действий, сущность которых состояла в инициировании новых дел. Лишь возобновление менструального цикла у роженицы означало ее возрождение в новом облике, исполненном мощной жизненной энергии [Wasilewski, 2010: 170].

Молчание — клевета (оскорбление) — уменьшение — исчерпание

Вполне правдоподобно, что неприятием свекровью невестки, оборачивающимся клеветой на нее, отмечена смена семейного статуса матери мужа как хозяйки дома. В биологическом плане это означает завершение детородного периода в ее жизни, а в экзистенциальном — постепенное приближение к концу земного существования [Кабакова: 205]. В итоге актуализируется комплекс представлений, связанных с идеей умирания как исчерпания, уменьшения, исчезновения, являющихся базовыми значениями лексемы «таять», которая этимологически близка к лексеме «молчать» [Трубачев: 100–105].

Формы коммуникативной изоляции и идея воспроизведения исходной стадии Бытия

На сюжетном уровне рассматриваемой нами сказки интриги свекрови иногда приводят к замуровыванию молодой

¹³ О существовании запретов на разные виды хозяйственных работ и церковных обрядов для женщин в период «нечистоты», относящейся как к месячным, так и послеродовым очищениям, писала Т. А. Листова [Листова].

¹⁴ В народной культуре речевое поведение женщин подлежало некоторым ограничениям, в сущности, на всех стадиях жизненного цикла. Особо в этом плане выделяется девушка-невеста. Как персонажу с неустановившимся статусом, ей предписывалось если не молчание, то его ослабленные или преобразованные формы: молчаливость, запрет на пение и пляску [Невская: 131].

матери заживо в стену, заключению в темнице, оборачивающемся в первую очередь невозможностью чувственного, в частности — зрительного, восприятия мира. В ряду остальных чувств (слуха, обоняния, вкуса, осязания) зрение, несомненно, выделяется как доминирующая способность человека, благодаря которой он познает окружающий мир и самого себя [Ясинская: 47]. Поскольку *видеть, смотреть* — согласно мифологическому мышлению — симметрично по отношению к *быть видимым*, прекращение этого действия соотносится с представлением об умирании как исчезновении не только объектов восприятия органов чувств, но и воспринимающего их субъекта¹⁵.

Обрядовые корни коммуникативной изоляции сказочного героя исследователи находят в помещении иницируемого в пещеру, шалаш, яму, специально построенную избушку, что на символическом уровне тождественно пренатальной темноте материнской утробы, как частного воспроизведения исходной стадии Бытия (эмбриогенез Бытия), представляемой именно как бесконечная ночь и мрак [Eliade, 1997: 59]. В конечном счете, однако, героиня рассматриваемого нарратива покидает место насильственного уединения, но лишь для того, чтобы очередной раз подвергнуться опасности смерти — на этот раз от рук палача (“*jaż kat zamierzył się mieczem*” [Kolberg, 1962 (1867): 158]). Несомненно, этим усиливается драматизм повествования, поскольку именно в этот момент заканчивается срок наказания братьев. Все же только после всех этих испытаний она вступает, наконец, в предписанные ей социально-культурные роли матери, супруги и сестры, т. е. становится полноправным и полноценным членом социума.

Соотношение настоящей немоты и глухоты с состоянием забвения

Кроме молчания, как говорилось выше, — намеренного или принудительного — в сказочных нарративах есть примеры, когда герой / героиня на самом деле лишаются дара

¹⁵ Соответственно, согласно мифологическому мышлению, достаточно человеку закрыть глаза, чтобы выключить канал зрительного восприятия, который перестает «работать в обе стороны». На первичность определения признаков смерти глаголом «исчезать» (а не «умирать») обратил внимание В. Н. Топоров [Топоров: 49–50].

речи, в частности, в наказание за нарушение правил поведения¹⁶. Сказанное отразилось в истории о воспитаннице Богоматери, иногда утратившей лишь способность говорить, а иногда еще и слышать (Т 710 “Wychowanka Matki Boskiej”, ср.: [Kolberg, 1964 (1888): 178], [Kozłowski: 319]). Попутно отметим, что в традиционной культуре слух и речь считались основными средствами передачи информации, поскольку доминирующими были вербальные формы коммуникации. Тем не менее потеря уже одной из перечисленных способностей делала общение невозможным, поэтому немота и глухота отождествлялись [Gołębiowska-Suchorska: 43]. Притом интересно, что лишение героини слуха и речи напрямую связано с ее провинностями: непослушанием и ложью [Kozłowski: 319]¹⁷. Сначала она нарушила запрет входить в комнату, в которой, как выяснилось, лежал окровавленный Христос, а затем не созналась в совершенном действии. В данном случае немота и глухота являются еще симптомами психического расстройства героини, т. е. состояния забвения и лишения ее ума, на что прямо указывает повествователь¹⁸:

“A widzisz żeś zagłądała, — mówiłam ja tobie: nie zagładaj Anusiu do tego pokoiku, bo cię na niskości rzucę i rozum i pamięć ci odejmę <...>”. Matka Boska wzięła i zrzuciła Anusię na ziemię i posadziła ją na stogu siana. Darowała jej tylko złotą szczoteczkę i złoty grzebiuszczyk. Jak Anusia usiadła na stogu, tak jej Matka Boska zrobiła, że została niemą i głuchą” [Kozłowski: 319].

Ход событий в сказках типа 451 и 710 показывает, что на сюжетно-композиционном уровне мнимость или истинность молчания не играет существенной роли и они могут развиваться по одной и той же схеме: замужество немой героини, рождение детей (ребенка), клевета свекрови и т. д.

¹⁶ Приведенный пример позволяет корректировать положения В. Добровольской, утверждающей, что немота в сказках, в отличие от других типов инвалидности, всегда является мнимой [Добровольская, 2018: 195].

¹⁷ Убедительным примером связи ушей и слушания с повинованием, что в польском языке обыгрывается еще на звуковом уровне (uszy, słuchanie, posłuszeństwo), является народная загадка: “Dlaczego mamy po dwa uszy, a tylko jedne usta? Abyśmy więcej słuchali, niż mówili” [Почему у нас два уха и один рот? Чтобы мы больше слушали, чем говорили].

¹⁸ Об ушах как вместилище памяти см.: [Paluch: 113].

Связь молчания с лиминальной ситуацией

Требование молчать может появиться на любой стадии жизненного цикла героя сказки, однако всегда соотносится с неким его лиминальным состоянием, предзнаменующим обретение им нового облика¹⁹. Именно с такой отчетливо обозначенной переходностью мы сталкиваемся в некоторых вариантах сюжета T 300 “Królowna i smok” (ATU 300 “The dragon-slayer”). Сказанное касается первой послебрачной ночи, во время которой требование молчать сопровождается, как можно полагать, запретом физической близости молодых супругов в его наиболее витальном, т. е. прокреативном аспекте. Знаком чистоты их отношений является лежащий между ними меч [Kopernicki: 13–14]. Необходимость воздержания от полового акта в брачную ночь известна в различных славянских зонах, причем его отсрочка длится от одного дня до двух и более недель [Гура: 523–525]. В рассматриваемой сказке упоминаемые запреты касаются лишь первой совместной ночи, поскольку значима не столько продолжительность запрета, сколько само воздержание от действия, акт обездвижения в момент, когда должна осуществиться перемена. Это соответствует выделенной Ежи Василевским категории *stasis*, которая является именно таким обездвижением, застоем между отрезками регулярного течения времени²⁰.

Молчание и временная обусловленность человеческого существования

В заключение наших наблюдений отметим, что необходимость молчания, а также прекращение остальных видов

¹⁹ Лиминальности, т. е. центральной фазе обрядов перехода, а также особым свойствам инициируемых субъектов, не укладывающихся в рамки каких-либо классификаций в культурном пространстве, наибольшее внимание уделил В. Тэрнер [Тэрнер: 169–170].

²⁰ Категория *stasis* — основополагающий элемент концепции времени, разработанной Ежи Василевским для раскрытия сущности обрядовых и бытовых табу, а в конечном счете для любых моментов перехода (польск. “momenty przejścia”). Ее образным воплощением являются колебания маятника, в работе которого наблюдаются чередующиеся друг за другом фазы подвижности и статичности. Именно эти мгновения застоя между отрезками регулярного течения времени исследователь предложил называть *stasis* [Wasilewski, 2010: 347–348].

коммуникации (слух, зрение, осязание), воздержание от любых движений появляется на разных стадиях жизни сказочного героя, этим может маркироваться какая-либо лиминальная ситуация, всегда знаменующая потенциальную возможность перехода на новый уровень существования.

Бывают, однако, и такие случаи, когда молчанием отмечен не каждый новый этап жизни героя по отдельности, а все совместно. Тем не менее в любом случае связь неговорения с инициацией не утрачивается, поскольку не утрачивается его связь со временем, а точнее — с его определенной концепцией, согласно которой оно представляется как непрерывно следующие друг за другом моменты регулярного течения и моменты неподвижности, статичности. Молчание, как и любые другие формы коммуникативной изоляции, соответствует именно выделенной Василевским категории *stasis*. Важно подчеркнуть, что переход на какой угодно следующий жизненный уровень, обусловленный, как правило, отказом от предыдущей стадии существования, непременно требует реактуализации исходной стадии Бытия, т. е. шаг вперед в сущности немислим без шага назад, в мифическое прошлое [Wasilewski, 2010: 348–354]²¹. В результате представляется возможным несколько уточнить главный экзистенциальный опыт сказочного героя, который, сталкиваясь со смертностью и сексуальностью, осознает преходящий характер человеческого существования, его временную обусловленность.

Список сокращений

ATU — Uther Hans-Jörg. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. Part 1.

T — J. Krzyżanowski. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław-Warszawa-Kraków: Ossolineum, 1962. T. 1.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Барар, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

²¹ Эту мысль о необходимости возвращения иницируемого субъекта в мифическое прошлое, в *illud tempus* для осуществления перехода на новый экзистенциальный уровень высказал Мирча Элиаде [Элиаде, 1999], а ее интерпретационный потенциал раскрыл в своих исследованиях Ежи Василевски [Wasilewski, 2010].

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Молчание // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 292–296.
2. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий: сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 106–117.
3. Бернштам Т. А. «Хитро-мудро рукодельице» (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / отв. ред. Т. А. Бернштам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 191–249.
4. Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания. Homo tacens. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1998. 352 с.
5. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
6. Добровольская В. Е. Репрезентация болезней и уродств в русских волшебных сказках // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики: сб. ст. / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М.: ООО «Издательство МБА», 2018. С. 178–220.
7. Добровольская В. Е. Сюжет АТУ 451 «Братья-лебеди» в репертуаре русских сказочников: фольклорная традиция и западноевропейская «авторская» сказка // Сказка в фольклоре, литературе и искусстве: традиционное и новое / ред.-сост. Л. В. Фадеева. М.: Гос. ин-т искусствования, 2020. С. 121–135.
8. Кабакова Г. И. Мать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 203–208.
9. <Карнаухова И. В.> Сказки и предания Северного края / в записях И. В. Карнауховой; вступ. ст. Т. Г. Ивановой. М.: ОГИ, 2009. 544 с.
10. <Кретов А. И.> Воронежские народные сказки и предания / подгот. текстов, сост., вступ. ст. и примеч. Кретова А. И.; Воронеж. гос. пед. ун-т, ист. фак. и др. Воронеж, 2004. 310 с.
11. Криничная Н. А. «В тех болотах зыбучиих...»: мифологема блуждания в свете переходных обрядов (по материалам северно-русских мифологических рассказов) // «Уведи меня, дорога»: сб. ст. памяти Т. А. Бернштам / под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 172–180.
12. Листова Т. А. «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре / отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996. С. 151–174.
13. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

14. Лызлова А. В. Сказки о трех царствах (медном, серебряном и золотом) в лубочной литературе и фольклорной традиции // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. С. 26–44 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1554121813.pdf (01.09.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5921
15. Мелетинский Е. М. Женильба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. С. 305–317.
16. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 242 с.
17. Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий. Семiotика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 123–134.
18. <Никифоров А. И.> Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 386 с.
19. Ончуков Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. / сборник Н. Е. Ончукова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. XLVIII, 643 с. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; т. 33.)
20. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
21. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
22. Русские народные сказки Карельского Поморья / сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина; ред. И. М. Колесническая. Петрозаводск: Карелия, 1974. 423 с.
23. Русский фольклор в Литве / исследования и публ. Н. К. Митропольской. Вильнюс: Вильнюсский университет, 1975. 432 с.
24. Самоделова Е. А. Сказки Центральной России в конце XX — начале XXI веков в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов: тексты. Рязань, 2013. 214 с. (Рязанский этнографический вестник: № 51, т. 1.)
25. Сказки И. Ф. Ковалева / запись и коммент. Э. Гофман и С. Минц; ред. Ю. М. Соколова. М.: Изд. Государственного литературного музея, 1941. 358 с. (Летописи государственного литературного музея; кн. 11.)
26. Сказки Куприянихи / запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого; вступ. ст. и общ. ред. И. П. Плотникова. Воронеж: Ворон. обл. кн-во, 1937. 270 с.
27. Толстая С. М. Магия обмана и чуда в народной культуре // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1995. С. 109–115.
28. Топоров В. Н. Заметки о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 47–53.
29. Трубачев О. Н. Молчать и таять. О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1964. С. 100–105.

30. Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и автор предисл. В. А. Бейлис, отв. ред. Е. М. Мелегинский. М.: Наука, 1983. 277 с.
31. Фольклор Судогодского края / сост. В. Е. Добровольская, И. А. Морозов, В. Г. Смолицкий; под общ. ред. А. С. Каргина. М.: ГРЦРФ, 1999. 336 с.
32. Шумов К. Э., Черных А. В. Беременность и роды в традиционной культуре русского населения Прикамья // Секс и эротика в русской традиционной культуре / отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996. С. 175–191.
33. Ясинская М. В. Глаза и зрение в языке и традиционной народной культуре славян // Славяноведение. 2014. № 6. С. 47–57.
34. Bajki Warmii i Mazur / oprac. H. Kurowska. Red. H. Koneczna, W. Pomianowska. Kraków: PWN, 1956. 194 s.
35. Ciszewski S. Krakowiacy. Monografia etnograficzna. Kraków: Nakładem autora, 1894. T. 1. Podania, powieści fantastyczne, powieści anegdotyczno-obyczajowo-moralne, bajki o zwierzętach, zagadki i łamigłównki. 383 s.
36. Eliade M. Inicjacja, obrzędy, stowarzyszenia tajemne, narodziny mistyczne / tł. K. Kocjan. Kraków: Znak, 1997. 190 s.
37. Eliade M. Mity, sny i misteria / tł. K. Kocjan. Warszawa: Wydawnictwo KR, 1999. 258 s.
38. Engelking A. Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa. Wrocław: FUNNA, 2000. 312 s.
39. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków: Akademia Umiejętności, 1897. T. I. 509 s.
40. Gawełek F. Przesady, zabobony, środki lecznicze i wiara ludu w Radłowie w pow. Brzeskim // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. 1910. V. 11. S. 48–106.
41. Gołębiowska-Suchorska A. Głuchota / głuchy // Słownik polskiej bajki ludowej / red. V. Wróblewska. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2018. T. 2. S. 40–44.
42. Jorgensen J. Queering Kinship in “The Maiden Who Seeks Her Brothers” // Transgressive Tales: Queering the Grimms. Detroit: Wayne State University Press, 2012. P. 69–90.
43. Karłowicz J. Podania i bajki ludowe zebrane na Litwie // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1887. V. 11. S. 229–293.
44. Karłowicz J. Podania i bajki ludowe zebrane na Litwie // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1888. V. 12. S. 1–59.
45. Kolberg O. Dzieła wszystkie. Kujawy. Wrocław: PTL, 1962 (1867). T. 3. Cz. 1. S. 112–144.
46. Kolberg O. Dzieła wszystkie. Krakowskie. Wrocław-Poznań: PTL, 1962 (1875). T. 8. Cz. 4. S. 1–87.
47. Kolberg O. Dzieła wszystkie. Chełmskie. Wrocław-Poznań: PTL, 1964 (1891). T. 34. Cz. 2. S. 83–127.
48. Kolberg O. Dzieła wszystkie. Radomskie. Wrocław-Poznań: PTL, 1964 (1888). T. 21. Cz. 2. S. 172–220.
49. Kolberg O. Dzieła wszystkie. W. Ks. Poznańskie. Wrocław-Poznań: PTL, 1982 (1881). T. 14. Cz. 6. S. 3–156.

50. Kopernicki I. Gadki ludowe górali beskidowych z okolic Rabki // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1891. T. 15. S. 10–19.
51. Kowerska Z. O chłopakach zaklętych w ptaki // Wisła. 1900. V. 14 (5). S. 600–602.
52. Kozłowski K. Lud. Pieśni, podania baśnie, zwyczaje, przesady ludu z Mazowsza czerskiego wraz z tańcami i melodyami. Warszawa: w drukarni Karola Kowalewskiego, 1869. 388 s.
53. Malinowski L. Powieści ludu polskiego... // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. 1901. V. 5. S. 3–272.
54. Paluch A. Etnologiczny atlas ciała ludzkiego i chorób. Wrocław: Wydawnictwo UW, 1995. 184 s.
55. Polaczek S. Wieś Rudawa. Lud, jego zwyczaje, obyczaje, obrzędy, piosnki, powiastki i zagadki. Warszawa: M. Arcta, 1892. 255 s.
56. Siewiński L. Bajki, legendy i opowiadanie ludowe zebrane w pow. Sokalskim // Lud. 1903. V. 9. S. 68–85.
57. Sulima R. Słowo i etos. Szkice o kulturze. Kraków: Fundacja Artystyczna Związku Młodzieży Wiejskiej, 1992. 222 s.
58. Wasilewski J. S. Podróże do piekieł. Rzecz o szamańskich misteriach. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1979. 241 s.
59. Wasilewski J. S. Tabu. Warszawa: Wydawnictwo UW, 2010. 421 s.
60. Williams Ch. The Silent Struggle. Autonomy for the Maiden Who Seeks Her Brothers // The Comparatist. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2006. Vol. 30. P. 81–100.

References

1. Agapkina T. A. Silence. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingwisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 292–296. (In Russ.)
2. Arutyunova N. D. Silence: Contexts of Use. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* [Logical Analysis of the Language. The Language of Speech Actions]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 106–117. (In Russ.)
3. Bernshtam T. A. “Cunningly Wise Needlewoman” (Embroidery-Sewing in the Symbolism of Girlish Adulthood Among the Eastern Slavs). In: *Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy* [Woman and the Material World of Culture Among the Peoples of Russia and Europe]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1999, pp. 191–249. (In Russ.)
4. Bogdanov K. A. *Ocherki po antropologii molchaniya. Homo tacens* [Essays on the Anthropology of Silence. Homo tacens]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1998. 352 p. (In Russ.)
5. Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolics]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 p. (In Russ.)
6. Dobrovol'skaya V. E. Representation of Diseases and Deformities in Russian Magic Fairy Tales. In: *Obratnaya storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriya, reprezentatsii, praktiki* [The Other Side of the Moon, or

- What We Don't Know About Disability: Theory, Representations, Practices*. Moscow, MBA Publ., 2018, pp. 178–220. (In Russ.)
7. Dobrovol'skaya V. E. The Plot ATU 451 “Swan-Brothers” in the Repertoire of Russian Storytellers: Folklore Tradition and Western European Author's Fairy Tale. In: *Skazka v fol'klore, literature i iskusstve: traditsionnoe i novoe* [Fairy Tale in Folklore, Literature and Art: Traditional and New]. Moscow, Gosudarstvennyy institut iskusstvovedeniya Publ., 2020, pp. 121–135. (In Russ.)
 8. Kabakova G. I. Mother. In: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 203–208. (In Russ.)
 9. Karnaukhova I. V. *Skazki i predaniya Severnogo kraja* [Fairy Tales and Legends of the Northern Region]. Moscow, Ob"yedinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2009. 544 p. (In Russ.)
 10. Kretov A. I. *Voronezhskie narodnye skazki i predaniya* [Voronezh Folk Fairy Tales and Legends]. Voronezh, 2004. 310 p. (In Russ.)
 11. Krinichnaya N. A. “In those Swamps of the Quicksand...”: a Mythologeme of Wandering in the Light of Transitional Rites (Based on Materials from Northern Russian Mythological Stories). In: «*Uvedi menya, doroga*»: *sbornik statey pamyati T. A. Bernshtam* [“Road, Take Me Away”: Collected Papers Dedicated to T. A. Bernshtam]. St. Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010, pp. 172–180. (In Russ.)
 12. Listova T. A. “Uncleanness” of a Woman (Childbirth and Menstruation) in the Customs and Ideas of the Russian People. In: *Seks i erotika v russskoy traditsionnoy kul'ture* [Sex and Eroticism in Russian Traditional Culture]. Moscow, Lodomir Publ., 1996, pp. 151–174. (In Russ.)
 13. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [The Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russ.)
 14. Lyzlova A. V. Fairy Tales About Three Kingdoms (The Copper, Silver and Gold Ones) in Popular Literature and Russian Folk Tradition. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 1, pp. 26–44. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1554121813.pdf (accessed on September 1, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5921 (In Russ.)
 15. Meletinskiy E. M. Marriage in a Fairy Tale (Its Function and Place in the Plot Structure). In: *Meletinskiy E. M. Izbrannyye stat'i. Vospominaniya* [Meletinsky E. M. Selected Articles. Memories]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1998, pp. 305–317. (In Russ.)
 16. Meletinskiy E. M. *Geroy volshebnoy skazki. Proiskhozhdenie obraza* [A Hero of the Magic Fairy Tale: The Origins of the Image]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya Issledovaniy Kul'tury Publ., Traditsiya Publ., 2005. 242 p. (In Russ.)
 17. Nevskaya L. G. Silence as an Attribute of the Sphere of Death. In: *Mir zvuchashchiy i molchashchiy. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan* [The Sounding and Silent World. Semiotics of Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 123–134. (In Russ.)

18. Nikiforov A. I. *Severnorusskie skazki v zapisyakh A. I. Nikiforova* [North Russian Fairy Tales in the Notes of A. I. Nikiforov]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 386 p. (In Russ.)
19. Onchukov N. E. *Severnye skazki: Arkhangel'skaya i Olonetskaya gg.* [Northern Fairy Tales: Arkhangelsk and Olonets Provinces]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1908. 643 p. (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society, the Department of Ethnography; vol. 33). (In Russ.)
20. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 168 p. (In Russ.)
21. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)
22. *Russkie narodnye skazki Karelskogo Pomor'ya* [Russian Folk Fairy Tales of Karelian Pomorie]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1974. 423 p. (no. 59). (In Russ.)
23. *Russkiy fol'klor v Litve* [Russian Folklore in Lithuania]. Vilnius, Vilnius University Publ., 1975. 432 p. (In Russ.)
24. Samodelova E. A. *Skazki Tsentral'noy Rossii v kontse XX — nachale XXI vekov v zapisyakh E. A. Samodelovoy i druzhey-fol'kloristov: teksty* [Fairy Tales of Central Russia at the End of the 20th — Beginning of the 21st Centuries in the Notes of E. A. Samodelova and Fellow Folklorists: Texts]. Ryazan, 2013. 214 p. (Ryazan Ethnographic Bulletin: no. 51, vol. 1). (In Russ.)
25. *Skazki I. F. Kovaleva* [Fairy Tales of I. F. Kovalev]. Moscow, The State Literary Museum Publ., 1941. 358 p. (Chronicles of the State Literary Museum; book 11). (In Russ.)
26. *Skazki Kupriyanikhi* [Fairy Tales of Kupriyanikha]. Voronezh, Voronezhskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo Publ., 1937. 270 p. (no. 13). (In Russ.)
27. Tolstaya S. M. Magic of Deception and Miracle in Folk Culture. In: *Logicheskii analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical Analysis of Language. Truth and Truthfulness in Culture and Language]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 109–115. (In Russ.)
28. Toporov V. N. Notes on Two Indo-European Verbs of Dying. In: *Issledovaniya v oblasti balto-slyavyanskoy dukhovnoy kul'tury. Pogrebal'nyy obryad* [Studies in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. Funeral Rite]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 47–53. (In Russ.)
29. Trubachev O. N. Silence and Melt. On the Need for a Semasiological Dictionary of a New Type. In: *Problemy indoevropeyskogo yazykoznaniiya. Etyudy po sravnitel'no-istoricheskoy grammatike indoevropeyskikh yazykov* [Problems of Indo-European Linguistics. Sketches on the Comparative Historical Grammar of Indo-European Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 100–105. (In Russ.)
30. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 277 p. (In Russ.)
31. *Fol'klor Sudogodskogo kraja* [Folklore of the Sudogodsky Region]. Moscow, The State Republican Center of Russian Folklore Publ., 1999. 336 p. (no. 22). (In Russ.)
32. Shumov K. E., Chernykh A. V. Pregnancy and Childbirth in the Traditional Culture of the Russian Population of the Kama Region. In: *Seks i erotika v russkoy traditsionnoy kul'ture* [Sex and Eroticism in Russian Traditional Culture]. Moscow, Lodomir Publ., 1996, pp. 175–191. (In Russ.)

33. Yasinskaya M. V. Eyes and Vision in the Language and in the Traditional Folk Culture of Slavs. In: *Slavyanovedenie*, 2014, no. 6, pp. 47–57. (In Russ.)
34. *Bajki Warmii i Mazur [Fairy Tales of Warmia and Mazur]*. Krakow, Polish Scientific Publishers Publ., 1956. 194 p. (In Polish)
35. Ciszewski S. *Krakowiaczy. Monografia etnograficzna [Cracovians. Ethnographic Monograph]*. Krakow, Published by the Author, 1894, vol. 1. 383 p. (In Polish)
36. Eliade M. *Inicjacja, obrzędy, stowarzyszenia tajemne, narodziny mistyczne [Initiation, Rites, Secret Societies, Mystical Birth]*. Krakow, Znak Publ., 1997. 190 p. (In Polish)
37. Eliade M. *Mity, sny i misteria [Myths, Dreams and Mysteries]*. Warsaw, KR Publ., 1999. 258 p. (In Polish)
38. Engelking A. *Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa [The Curse. The Work on Folk Magic of the Word]*. Wrocław, FUNNA Publ., 2000. 312 p. (In Polish)
39. Federowski M. *Lud białoruski na Rusi Litewskiej [Belarusian People in Lithuanian Ruthenia]*. Krakow, Academy of Learning Publ., 1897, vol. 1. 509 p. (In Polish)
40. Gawełek F. Przesady, zabobony, środki lecznicze i wiara ludu w Radłowie w pow. Brzeskim [False Belief, Superstitions, Remedies and the Faith of the People in Radłów in the District of Brzeski]. In: *Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne [Anthropological, Archeological and Ethnographic Materials]*, 1910, vol. 11, pp. 48–106. (In Polish)
41. Gołębiowska-Suchorska A. Głuchota / głuchy [Deafness / Deaf]. In: *Słownik polskiej bajki ludowej [The Dictionary of Polish Folk Tales]*. Torun, The University of UNC Publ., 2018, vol. 2, pp. 40–44. (In Polish)
42. Jorgensen J. Queering Kinship in “The Maiden Who Seeks Her Brothers”. In: *Transgressive Tales: Queering the Grimms*. Detroit, Wayne State University Press Publ., 2012, pp. 69–90. (In English)
43. Karłowicz J. Podania i bajki ludowe zebrane na Litwie [Folk Fairy Tales and Fairy Tales Collected in Lithuania]. In: *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej [Collection of News on National Anthropology]*, 1887, vol. 11, pp. 229–293. (In Polish)
44. Karłowicz J. Podania i bajki ludowe zebrane na Litwie [Folk Fairy Tales and Fairy Tales Collected in Lithuania]. In: *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej [Collection of News on National Anthropology]*, 1888, vol. 12, pp. 1–59. (In Polish)
45. Kolberg O. *Dzieła wszystkie. Kujawy [All Works. Kuyavia]*. Wrocław, PTL Publ., 1962 (1867), vol. 3, part 1, pp. 112–144. (In Polish)
46. Kolberg O. *Dzieła wszystkie. Krakowskie [All Works. Krakowskie]*. Wrocław, Poznan, PTL Publ., 1962 (1875), vol. 8, part 4, pp. 1–87. (In Polish)
47. Kolberg O. *Dzieła wszystkie. Chełmskie [All Works. Chelmskie]*. Wrocław, Poznan, PTL Publ., 1964 (1891), vol. 34, part 2, pp. 83–127. (In Polish)
48. Kolberg O. *Dzieła wszystkie. Radomskie [All Works. Radomskie]*. Wrocław, Poznan, PTL Publ., 1964 (1888), vol. 21, part 2, pp. 172–220. (In Polish)
49. Kolberg O. *Dzieła wszystkie. W. Ks. Poznańskie [All Works. W. Ks. Poznańskie]*. Wrocław, Poznan, PTL Publ., 1982 (1881), vol. 14, part 6, pp. 3–156. (In Polish)

50. Kopernicki I. Gadki ludowe górali beskidowych z okolic Rabki [Folk Talks of the Beskid Highlanders from the Vicinity of Rabki]. In: *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej* [Collection of News on National Anthropology], 1891, vol. 15, pp. 10–19. (In Polish)
51. Kowerska Z. O chłopakach zaklętych w ptaki [About Boys Turned into Birds]. In: *Wista*, 1900, vol. 14 (5), pp. 600–602. (In Polish)
52. Kozłowski K. *Lud. Pieśni, podania baśnie, zwyczaje, przesady ludu z Mazowsza czerskiego wraz z tańcami i melodyami* [People. Songs, Fairy Tales, Customs, Superstitions of the People of Mazovia Czerski Together with Dances and Melodies]. Warsaw, in the printing house of Karol Kowalewski Publ., 1869. 388 p. (In Polish)
53. Malinowski L. Powieści ludu polskiego... [The Novels of the Polish People...]. In: *Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne* [Anthropological, Archeological and Ethnographic Materials], 1901, vol. 5, pp. 3–272. (In Polish)
54. Paluch A. *Etnologiczny atlas ciała ludzkiego i chorób* [Ethnological Atlas of the Human Body and Diseases]. Wrocław, The University of Wrocław Publ., 1995. 184 p. (In Polish)
55. Polaczek S. *Wieś Rudawa. Lud, jego zwyczaje, obyczaje, obrzędy, piosnki, powiastki i zagadki* [The Village of Rudawa. The People, its Morals, Customs, Rituals, Songs, Fairy Tales and Riddles]. Warsaw, M. Arcta Publ., 1892. 255 p. (no. 7). (In Polish)
56. Siewiński L. Bajki, legendy i opowiadanie ludowe zebrane w powiecie Sokalskim [Fairy Tales, Legends and Folk Tales Collected in Sokalski Region]. In: *Lud* [People], 1903, vol. 9, pp. 68–85. (In Polish)
57. Sulima R. *Słowo i etos. Szkice o kulturze* [Word and Ethos. Sketches on Culture]. Krakow, Artistic Foundation of the Rural Youth Union Publ., 1992. 222 p. (In Polish)
58. Wasilewski J. S. *Podróże do piekieł. Rzecz o szamańskich misteriach* [Journeys to Hell. A Thing About Shamanic Mysteries]. Warsaw, People's Publishing Cooperative Publ., 1979. 241 p. (In Polish)
59. Wasilewski J. S. *Tabu* [Taboo]. Warsaw, The University of Wrocław Publ., 2010. 421 p. (In Polish)
60. Williams Ch. The Silent Struggle. Autonomy for the Maiden Who Seeks Her Brothers. In: *The Comparatist*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press Publ., 2006, vol. 30, pp. 81–100. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жепниковска Ивона, доктор гума- *Iwona Rzepnikowska*, PhD, Professor,
нитарных наук, профессор, заведую- Head of Department of Slavic
щая кафедрой славянских литератур, Literatures, Nicolaus Copernicus
Университет Николая Коперника University (ul. Fosa Staromiejska 3,
(ул. Фоса Старомейска, 3, Торунь, Torun, Poland); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5709-1714>; e-mail:
0001-5709-1714; e-mail: iwo@umk.pl. iwo@umk.pl.

Поступила в редакцию / Received 17.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.01.2022

Принята к публикации / Accepted 30.01.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022